

УДК 81'23
ББК Ш100.6

ГЧНТИ 16.21.45

Код ВАК 10.02.19

Гридина Татьяна Александровна,

доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 281; e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

ЯЗЫК КАК ТВОРЧЕСТВО: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ «НЕОЛОГИИ»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая игра; словотворчество; инновации детской речи.

АННОТАЦИЯ. Анализируются словотворческие практики детской речи, выявляются аспекты когнитивного и собственно языкового взаимодействия в неологическом дискурсе ребенка: спонтанная словотворческая активность в режиме заданного языком потенциала; метаязыковая рефлексия; креативность в регистре языковой игры.

Gridina Tatjana Alexandrovna,

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

LANGUAGE AS CREATIVE ACTIVITY: ASPECTS OF CHILDREN «NEOLOGY» INVESTIGATION

KEY WORDS: wordplay; word creativity; innovation of children speech.

ABSTRACT. The author analyzes the word creative practice of children speech, reveals the aspects of cognitive and linguistic interaction in neological discourse of a child, spontaneous word creative activity in the limits if the potential determined by the language, meta language reflection, creativity in the terms of wordplay.

Детская речь традиционно рассматривается как сфера лингвокреативной деятельности, связанной с усвоением языковых форм и значений. Одной из ярких особенностей детской речи является ее «неологический» дискурс. Так называемые инновации детской речи (мотивационные модификаты готовых слов, семантические, словотворческие) опрокидывают стереотипы автоматизированного использования языка, поражая наше во многом «зашоренное» языковое сознание свежей логикой». Ср.: «Мама, поиграем в паровозик! – Нет, сынок, у меня ноги подкашиваются от усталости. – Ты что, мало каши съела?» (4 года); «В духовной семинарии они там учатся на духовых инструментах?» (9 лет 11 месяцев); «Наездники – это те, которые на всех наезжают» (4 года); «А кутузка это что? (После объяснения). А при чем здесь Кутузов?» (11 лет 7 месяцев); «Йоги – это мужья Бабы-Яги?» (8 лет) и т. п. Термин «неологизмы» применительно к инновациям детской речи, статус которых бесспорно окказионален, употребляется нами в известной степени условно. Вместе с тем этот термин указывает на стабильность основных черт «детского языка», типологическую однородность детских инноваций с точки зрения их лингвокогнитивной природы и общих стратегий реализации системного потенциала. Под «неологическим дискурсом» детской речи, таким образом, понимаются типичные проявления лин-

гвокреативного мышления ребенка в области осмысления готовых языковых единиц и порождения новых слов.

Традиционное рассмотрение инноваций детской речи, разрабатываемое в системноцентрической парадигме, сводилось к установлению соответствия (а точнее, несоответствия) «неологизмов» ребенка языковой норме. В рамках названного подхода к изучению фактов детской речи было установлено, что в усвоении языка ребенок опирается на самые глубинные, самые общие закономерности языкового механизма, интуитивно используя в своей речевой практике только «правила», соответствующие «закону» языковой симметрии (К. И. Чуковский, Д. Слобин, С. Н. Цейтлин и др.). Свойственное детям чутье системы «опровергает» алогичность (немотивированность) языковых форм и значений, закрепленных традицией и нормой и составляющих идиоматику любого языка. Безусловным открытием системноцентрического направления в изучении детской речи явилось то, что язык усваивается ребенком как операциональный механизм, а не просто как совокупность его реализаций. Эта мысль оказалась продуктивной для перехода к изучению детской речи в системнофункциональном и когнитивно-дискурсивном аспектах, которые активно и плодотворно разрабатываются в онтолингвистике, психолингвистике и когнитивистике (Е. С. Кубрякова, Н. И. Лепская, Н. К. Седов,

Д. Слобин и др.). С точки зрения функциональной, детская речь есть дискурс, в котором последовательно сменяют друг друга складывающиеся в процессе накопления речевого опыта и постижения языка частные, динамичные системы форм и значений, позволяющие ребенку удовлетворять свои коммуникативные и когнитивные потребности. Когнитивно-дискурсивная парадигма, как указывает Е. С. Кубрякова, задает новый ракурс рассмотрения неологизмов – «как материала, отражающего акты осмысления мира» в дискурсивной деятельности человека (2, с. 9). Данная парадигма релевантна и для изучения детской неологии как феномена речевой креативности ребенка, использующего язык в качестве гибкого «алгоритма», дающего выход «свободной энергии» творчества говорящих. Язык в процессе его познания, освоения ребенком оказывается полем для творческого эксперимента, в основе которого лежит сложное взаимодействие когнитивного и речевого развития ребенка.

В заявленном ключе подлежат рассмотрению следующие процессы неологического дискурса детской речи: 1) спонтанное детское словотворчество, проявляющее нереализованный языком потенциал при необходимости заполнения лакун в номинативном багаже ребенка; 2) мотивационная рефлексия, касающаяся осмысления / «прояснения» внутренней формы готовых слов, сопровождаемая процессами реноминации и ремотивации (1); 3) характер осмысления детьми семантической функции существующих в языке слов (в частности, процессы расширения и сужения значения как способ выражения освоенных когнитивных функций); 4) функции непреднамеренных метафорических переносов и сравнений в процессах номинации, выявление способности ребенка «мыслить образной аналогией» (К. Штумпф); 5) выявление способности ребенка к осознанному использованию кодов языковой игры.

Исследуя характер детских словотворческих инноваций в лингвокогнитивном аспекте, можно выделить две их функциональных разновидности:

1) словотворчество, направленное на мир реальный, соотносительное с когнитивным развитием ребенка и выражающееся в создании инноваций, либо компенсирующих отсутствие узуального слова в лексиконе ребенка, либо «проявляющих» ракурс видения объекта, актуальный для детского сознания;

2) словотворчество, направленное на сам язык, когда объектом рефлексии становятся способы означивания, выведенные ребенком из той модели мира, которая

представлена языком; отталкиваясь от этих «правил», ребенок моделирует некую систему условных номинаций, «выстроенную» по законам собственной языковой картины мира и имеющую лишь опосредованную связь с внеязыковой реальностью.

«Игра» языковых потенций (как способ компенсации дефицита речевого опыта) проявляется в детской речи в следующих процессах:

1) омонимическое словообразование (детская инновация, случайно совпадающая с готовым словом, потенциально способна выражать тот окказиональный смысл, который придает ей ребенок): *голубчик* «маленький голубь», *пончик* «сыночек лошади-пони» и др.; в подобных случаях чаще всего компенсируется дефицит речевого опыта ребенка или лакунарность языка в сфере номинаций соответствующей предметной области (в приведенных примерах это отсутствие специальных наименований для *птенеца голубя* и *детеныша пони*); ср. *дворняжка* «женщина-дворник», *штукатурка* «женщина штукатур» – заполнение лакун в системе номинаций женских профессий по соотношению с мужскими;

2) создание неологизмов, образующих параллельные узусу номинативные ряды. Это выражается в ряде специфических для детской речи принципов когнитивной «обработки» отрефлексированных языковых алгоритмов:

- использование принципа отталкивания от конкретного образца или усвоенной модели словообразования для установления языковой симметрии, что выражается в достраивании детьми отсутствующих звеньев в узуальной системе номинаций или корректировке «несимметричных» способов выражения лексических и грамматических языковых оппозиций. Ср.: *нетеряха* – «тот, кто ничего не теряет» (отсутствующий в узусе антонимический коррелят узуального *растеряха*); *старуха* и *старух* (структурно подравнивающая замена оппозиции *старик* и *старуха*); *свинья* – *свинух* (устранение родовой недифференцированности в названиях особей животных); *красняк*, *желтяк*, *зеленяк* – конкретизирующие «модификаты» слова *синяк*;

- заполнение номинативных лакун путем свертывания (вербализации) словосочетаний (по принципу семантического включения): *листь* «покрываться листвою» (о деревьях); *овнучиться* «стать бабушкой», ср. сходные в структурном отношении глаголы типа *оцениться*, *окотиться*, хотя в когнитивном плане детская инновация и узуальные лексем-прототипы, конечно, не соотносятся (*овнучиться* не зна-

чит «родить внука»). Подобные факты свидетельствуют об эвристической силе формальных аналогий (собственно языковой техники) в процессах детского словотворчества; через одну и ту же словообразовательную структуру «протягиваются» разные когнитивные;

- создание словообразовательных номинаций, синонимичных нормативному слову (как немотивированному, так и мотивированному; последнее может быть неизвестно ребенку или не удовлетворять его ментальным ориентирам); ср.: *печаталка* «принтер»; *объедалка* «обжора»; *наподушник* «наволочка»; *кораблист* «моряк»; *тушители* «пожарники»; *чехолок* «колпачок от ручки»; *буйны* «волны»; *бульбулька* «река» и т.п.;

- «уточнение» или «прояснение» внутренней формы слов путем их частичной формальной модификации или соотнесения с понятным мотиватором. Ср. следующие детские высказывания: «*Где эта уколка* (иголка), *которой я руку уколол?*» (5 лет); «*Петушок, петушок, золотой причешок!*» (гребешок) (4 года); «*Мама, смотри, какая белонка* (болонка) *хорошенькая*» (5 лет); «*Мама, смотри, как огоньки красиво мигают!* – Это бенгальские огни. – *Ой, я тоже хочу такие мингальские огни!!!*» (5 лет) и др. Инновации этого типа обнаруживают операциональную значимость механизмов ремотивации и реноминации как способа актуализации и объяснения значений слов. Такие инновации детской речи можно ранжировать по степени когнитивной «оправданности» избираемого средства означивания и способа объяснения названия. В частности, из приведенных примеров видно, что основания для мотивации «разворачиваются» как в опоре на какие-то реальные когнитивные пресуппозиции (ср. *белонка* вместо *болонка* – собачка, имеющая преимущественно белый цвет шерсти), так и в опоре на собственно языковые пресуппозиции (звуковые, структурные, словообразовательные аналогии): ср. *петушок* – *золотой причешок* (вместо *гребешок*) под влиянием типовой синтагматики *причесываться гребешком* (очевидно, при неусвоенности метафорического смысла слова *гребень, гребешок*).

Когнитивные и языковые пресуппозиции детских мотивационных инноваций вступают в сложное взаимодействие, выявляя семантизирующую функцию мотивационной формы и роль внеязыкового знания (в частности ситуативного) в обосновании речевых ходов, предпринимаемых ребенком. Наибольшей парадоксальностью обладают случаи семантизации слов на основе случайного фонетического сходства с по-

нятной созвучной лексемой Ср.: «*Индусы индюков разводят?*»; «*Шиповник – тот, кто шипит*» и т. п. Однако и в таких случаях ребенок находится «под воздействием» целого ряда языковых моделей, в которых закреплены актуальные, уже освоенные им когнитивные (знания о мире). Структурные аналогии с уже освоенными лексемами могут поддерживать парадоксальную мотивацию как операциональный механизм семантизации слова.

В процессе речевого развития ребенок с неизбежностью проходит разные стадии постижения логики языка, которая может представляться ему «нелогичной». В этом смысле можно говорить о детских инновациях как проекции когнитивного опыта ребенка на язык. В данном процессе активно проявляется и стремление детей к построению собственной языковой реальности, склонность к манипулированию осваиваемой языковой формой и найденным (выведенным) алгоритмом ее порождения. В целом инновации детской речи создают особое лингвоментальное пространство – поле реализации языковых возможностей в проекции на картину мира, сформированную на основе когнитивного и собственно речевого опыта ребенка.

Словотворчество, *направленное на сам язык*, – это предпосылка осознанной языковой игры, когда манипулирование формой и значением вербальных знаков приобретает явно условный, непрагматический характер. Рефлексия над языковой формой приводит ребенка в данном случае к креативному речевому ходу, обнаруживающему ее «новое», неожиданное видение. Ср.: «*Бегония есть, а шагонии нету?*» (5 лет); «*Если есть мамонты, должны быть и папонты*» (6 лет); «*Это папоротник? А где же маморотник?*» (6 лет); «*Есть дятел (смесь) ... и тетел*» (7 лет); «*Полынь (шутл.) – это потому, что она из земли полы пробивает?*» (5 лет 6 месяцев); «*Наш папа – автомат, отгадай почему? – Почему? – Потому что он папулька, пулька ... автомат*» (6 лет).

Как видно из примеров, логика наименования «переворачивается» путем переключения мотивационного кода. Так, квазиантонимы к узуальным словам – *шагония, маморотник, папонты, тетел* – называют, по сути, не существующие в действительности объекты, и именно это составляет основу преднамеренной языковой игры, когда можно «созерцать» одновременно и истинное положение вещей, и отклонение от него (прототип «просвечивает» сквозь игровую трансформу). Например, условная игровая оппозиция *дятел – тетел* имитирует актуальное для ребенка семантическое

противопоставления слов «дядя» и «тетя» в рамках тематической группы «названия родственников». Ср.: «А почему пломбир – это мороженое, а не врач, который пломбы ставит?» (6 лет 7 месяцев). Парадоксальное толкование аналогично значениям слов, называющих лицо мужского пола по роду деятельности (ср. *командир*, *бомбардир* и т.п.). Точность словообразовательной аналогии является весьма приблизительной, однако предъявленная «логика» наименования лица по профессии вполне оправданна. Для сравнения приведем пример иной игровой интерпретации того же слова в детской речи. Бабушка внуку: «Пломбир вредно тебе, от него зубы портятся». Мальчик: «И неправда, пломбир едят, чтобы пломбы из зубов не вылетали» (10 лет). Из контекста понятно, что ребенок знает реальное значение слова «пломбир», и шутивное сближение со словом «пломба» используется им намеренно – для опровержения логики «оппонента».

Во всех таких случаях действует механизм семантизации слова в опоре на его мотивированность (проявляющийся в спонтанных эвристиках детской речи как разновидность речевого прогнозирования, выдвижения гипотезы о значении незнакомых ребенку номинаций путем «прояснения» их внутренней формы). Обнаружение потенциального мотивационного «кода», на основе которого моделируется игровой (нереализованный) «смысл» уже существующего слова зеркально отражает естественное для ребенка «чутье» мотивационной формы слова.

Не только мотивационные парадоксы, отмечаемые детским языковым сознанием, становятся базой для преднамеренной языковой игры, но и то лингвоментальное пространство, которое формируется каждым ребенком в собственном номинативном регистре. Приведем лишь некоторые примеры проявления интенции детей к осознанной игре с языковыми значениями и формами.

1. Игра с уменьшительно-ласкательными формами слов. Например: «Мамуся ты моя, (вздыхает) ягуся» (4 года 8 месяцев) – обращение ребенка к матери, которая его за что-то ругает. Смягченная отрицательная оценка, выраженная уменьшительно-ласкательной формой *ягуся* (ср. Баба-Яга), – сигнал к примирению. Кроме того, рифмованное словообразование (весьма распространенный в детской речи прием обыгрывания сближаемых слов) – *мамуся-ягуся* – подчеркивает шутивный и «миролюбивый» характер обращения ребенка к матери.

2. Обыгрывание значений фразеологизмов. Например, В. К. Харченко описыва-

ет ситуацию, когда ребенок, собирая сумку в школу, обнаруживает, что в ней нет места для пакета с яблоками, смеется: «Вот дела! Яблоку негде упасть!» (13 лет 7 месяцев). Ср.: «А почему говорят «спать валетом», а не «спать дамой, королем»?» (8 лет) – детский вопрос о внутренней форме фразеологизма, направленный на ее парадоксальное обыгрывание. Преднамеренная игра с фразеологизмом предполагает, однако, такой уровень развития семантической компетенции ребенка, когда он уже способен к усвоению переносных значений слов и выражений.

3. Образно характеризующие метафорические номинации детской речи. Ср.: «Наша елка красивее. Она в серебряной юбочке» (5 лет 4 месяца); «Посмотри, какого я котеночка пушистого нашел» (5 лет) – о распутившейся почке вербы. Такого рода номинации не являются буквальным отождествлением предмета с тем образом, в виде которого он представляется детскому сознанию (мягкая почка вербы для ребенка не реальный котенок, а нечто *пушистое*, как котенок; *серебряная юбочка елки* – мишура, ее украшающая). Приведенные факты отличаются от явлений «сдвинутой референции», связанных с расширением денотативной отнесенности слова из-за несформированности семантического компонента языковой способности – незнания всех наименований определенной предметной области и различий в значениях тематически сходных слов. Ср.: «На мочалке мыльный шрам» (5 лет 4 месяца) – вместо *мыльная полоса*, *мыльный след*. Непреднамеренность подобных детских метафор не «умаляет» их яркости и характерологичности. В метафорических номинациях этого типа явно «просвечивает» детская ментальность (основанная, в частности, на олицетворении всего окружающего мира). Ср.: «Давай сатурнят и юпитерят посчитаем!» (5 лет). Метафоры и сравнения детской речи построены чаще всего на случайных ассоциативных аналогиях. Например: «Я разложил белье, что ты погладила, шоколадкой. – Это как? – Квадратиками» (5 лет); «У мамы глаза травкой поросли, у бабушки по глазам речка течет, у бабушки глаза измазаны серым, а у меня с папой как чернобурые лисички!» (5 лет 5 месяцев). Осознанное моделирование парадоксальной образной аналогии – основа собственно игровой метафоры. Ср., например, высказывание ребенка, имеющее явно шутивно-провокационный характер: «(Смеется) А «Машина времени» (вокально-инструментальный ансамбль) – это часы?» (7 лет 9 месяцев). Переключение переносного (условного) смысла названия группы в бук-

вальный план (деметафоризация) при понимании алогичности (абсурдности) собственного толкования создает «доступный» ребенку (соответствующий уровню его языковой компетенции) эффект языковой игры.

4. Структурные аналогии и ассоциативная идентификация названий одной предметной сферы, используемые ребенком как стимул к игровому тиражированию. Например, машинист электровоза объявляет: «*Следующая станция «Петушки»*». Реплика ребенка 4-х лет: «*А потом будут «Курочки», «Цыплятки», «Утятки»...?»*. Задумывается, затем продолжает смеяться: «*А потом «Пирожки», «Шанежки», «Сапожки», «Ботиночки»...*». В данном случае в разворачивающемся игровом дискурсе происходит смена трех «сюжетных» линий ассоциирования, заданных словом-стимулом «Петушки»: последовательное тиражирование модели в рамках тематических групп «Названия птенцов», «Названия стрижи», «Названия обуви». Объединяющим фактором становится структурное подобие подбираемых «условных» названий станций. Ребенок выстраивает игровое (виртуальное) пространство, соотносясь с реальным прототипом, но доводит логику наименования до «осознанного абсурда»; ср. также реноминации, тиражирующие слово-образец: «*Это чизбургер, а я люблю колбасбургеры и котлетбургеры!*» (7 лет). В модельную сетку слова «вводятся» новые корни из слов одной тематической группы.

5. Словообразовательные инновации детской речи, созданные с установкой на шутку и/или подчеркивающие экспрессию обозначаемого признака. Установка на шутку делает детскую инновацию игровой. Например: «*У меня сегодня энциклопад!*» (12 лет) – о падении энциклопедий с полки; «*У нашей кошки шерстопад!*» (6 лет). И в первом, и во втором примерах детского словотворчества содержится шуточная экспрессия, связанная с тем, что обозначаемое уподобляется некоему стихийному природному явлению (ср. *энциклопад* – падение энциклопедий, подобное камнепаду, *шерстопад* – интенсивная линька шерсти у кошки, ср. *листопад*). Черты детской ментальности проявляются в свободном сопоставлении реалий предметного и природного мира. Ср.: «*Я нарисовал электросолнце!*» (5 лет 3 месяца) – номинация, имеющая подчеркнuto экспрессивный характер, выражаемый первой частью сложения (*электро-*), которая является нестандартным средством указания на интенсивность признака «яркое». С установкой на шутку часто создаются «антонимические» номинации детской речи. Например, *электрически* (шутл.) – противоположное «механиче-

ски»: «*Я механически это сказала. – А теперь электрически скажи!*» (7 лет 3 месяцев). Антонимический код языковой игры вообще оказывается наиболее «нагруженным» в детской речи, очевидно, потому, что постижение признаков предметов проявляется наиболее ярко в их противопоставленности, и, кроме того, антонимические оппозиции – это один из способов установления языковой симметрии, характерный для детского языкового сознания. Антонимические оппозиции позволяют «высветить» и намеренно смоделировать языковой парадокс: «*Это оправа, а где олева?»*; «*Есть левомецитин и правомецитин*» (7 лет). Ср.: *горячедильник* – «антоним к *холодильник*»: «*Это холодильник, а это (смеется) горячедильник*» (6 лет); «*Я совершеннолетний*» (10 лет). Языковая игра может принимать характер спонтанной находчивости и проявления детского остроумия. Например, две девочки четырех и пяти лет (Таня и Марина) гуляют во дворе. Таня спрашивает подружку: «*Почему ты так поздно гулять вышла?*» – и т.п. Марина не очень расположена к разговору: «*Почему? Почему? Ты такая почемуха!*». Таня ей в ответ: «*А ты такая неотвечуха!*» – смеется). Обе номинации окказиональны, при этом вторая антонимически отзеркаливает первую, смягчая своей шуточной тональностью назревающий конфликт.

6. Игровые инновации, состоящие в намеренно парадоксальном толковании детьми готовых слов и выражений с акцентированием актуального для ребенка (часто ситуативного) смысла. В случае преднамеренной игры с семантикой слова ребенок понимает условность собственных толкований. Например, *папочки*, шутл. «тапочки папы». Радостно бросается к отцу, пришедшему с работы, подает ему тапочки: «*Надевай скорей свои папочки!* – *Почему папочки? Тапочки?* – Аня, лукаво улыбаясь, – *Нет папочки, ты же в них, папочка, ходишь*» (5 лет 3 месяцев). Другой пример: *плакать в футболку* – «жаловаться». Настя о младшей сестре: «*Если Маринку кто обидит, она сразу к папе бежит, – смеется, – Вчера опять папе в футболку плакала*» (10 лет) Ср. весьма изощренный каламбур с использованием в игровой семантической функции специальных наименований *брутто-нетто*: «*Масса книги без цитат – нетто, а с цитатами – брутто*» (12 лет).

Подобные примеры из детской речи показывают, что преднамеренная языковая игра – один из показателей, выявляющих достаточно развитый уровень лингвистической компетенции ребенка.

Лингвокогнитивный анализ детской «неологии» позволяет сделать следующие выводы:

- инновации детской речи отражают операциональность формирующегося языкового сознания ребенка, «соединяющего» когнитивный опыт освоения мира с семантикой языковых форм и значений;
- эвристический характер детской неологии выступает в трех ипостасях: первая ипостась – это спонтанная словотворческая активность ребенка, выявляющая потенциальную интерпретационную вариативность операциональных языковых алгоритмов,

реализованных в конкретных знаковых формах и значениях; вторая ипостась – это проявление метаязыковой рефлексии, осмысление и «коррекция» существующих форм и значений в соответствии с особенностями ментальных ориентиров (ценностных констант картины мира) ребенка; третья ипостась – это игровая словотворческая креативность, задающая неожиданный ракурс восприятия языковых форм и значений (при понимании ребенком условности осуществляемых им речевых действий, способность манипулировать знаком по собственному «усмотрению»).

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Гридина Т. А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи : учеб. пособие. М. : Флинта; Наука, 2006.
2. Кубрякова Е. С. Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы. Т. 1. М.; Тамбов, 2004.

И С Т О Ч Н И К И

1. Говорят дети: Словарь-справочник / Сост. С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева. СПб, 1996.
2. Дети о языке. Приложение №2 к Трудам постоянно действующего семинара по онтолингвистике. СПб., 2001.
3. Детские словообразовательные инновации. Сост. С. Н. Цейтлин. Л., 1986.
4. Харченко В. К. Словарь детской речи. Белгород, 1994.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. Н. И. Коновалова.